

Поведение онлайн и офлайн: две реальности или одна?

Бовина И.Б.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>,
e-mail: innabovina@yandex.ru

Дворянчиков Н.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1468-5469>,
e-mail: dvorian@gmail.com

В фокусе внимания авторов находится социально-психологический анализ влияния технологий на человека, на его социальный опыт. Утверждается, что среди последствий проникновения социальных медиа в повседневную жизнь индивида находятся трансформация и упрощение процесса коммуникации, преобразование властных отношений и норм, сопряженных с этим процессом. Участники общения имеют разнообразные возможности для поддержания анонимности (с вытекающими психологическими последствиями). Они обладают степенями свободы для конструирования и модифицирования идентичности, прерывания и прекращения общения в любой момент. Анализ литературы позволяет говорить о негативной стороне использования Интернета и социальных сетей, свидетельствует о явлениях антинормативного спектра. Поиск причин агрессивного поведения онлайн и попытки прогнозировать поведение в реальном мире на основе наблюдения за действиями в Сети базируются в значительной степени на индивидуальных конструктах. Палитра этих объяснительных конструктов значительна, однако исследования носят дескриптивный характер. В работе представлен анализ потенциала социально-психологического знания (социально-когнитивная теория, теория социальных представлений и теория деиндивидуализации) для ответа на вопрос о соотношении поведения в сети Интернет и в реальности, обсуждаются механизмы социального поведения. Делается вывод об объяснительном потенциале теории социальных представлений, намечается перспектива дальнейшего исследования проблемы антинормативного поведения. Акцентируется внимание на перспективности использования теории социальных представлений для разработки профилактических программ, направленных на представителей подростково-молодежной среды.

Ключевые слова: социально-когнитивная теория, теория социальных представлений, теория деиндивидуализации, теория социальной идентичности, эффузия, поведение онлайн и офлайн, антинормативное поведение, кибербуллинг, социальные медиа, злоупотребление интернет-технологиями.

Финансирование: Работа выполнена в рамках проекта «Разработка модели профайлинга онлайн-поведения несовершеннолетних в социальных сетях» при поддержке МГППУ.

Для цитаты: Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В. Поведение онлайн и офлайн: две реальности или одна? // Психологическая наука и образование. 2020. Том 25. № 3. С. 101—115. DOI: <https://doi.org/10.17759/pse.2020250309>

Online and Offline Behavior: Two Realities or One?

Inna B. Bovina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>,

e-mail: innabovina@yandex.ru

Nikolay V. Dvoryanchikov

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>,

e-mail: dvorian@gmail.com

The paper focuses on a social psychological analysis of the effects of new technologies on the individual and his/her social experience. Among the impacts of social media on everyday life are the transformation and simplification of communication process, as well as the transformation of power relations and norms associated with this process. Participants of communication process have various opportunities to maintain anonymity, to construct and modify identities, and to interrupt and or even to terminate communication process at any time. The literature review reveals the negative side of the Internet use and demonstrates antinormative phenomena. The explanations of aggressive online behaviour, as well as the attempts to predict offline behaviour from online observations, are based on a wide range of interindividual constructs. However, these studies are mostly descriptive. The paper highlights the potential of social psychological knowledge (social cognitive theory, social representations theory and deindividuation theory) to answer the question about the relationship of online and offline behaviour. The theory of social representations may also be of much use in creating prevention programmes for adolescents and young people.

Keywords: social cognitive theory, social representations theory, deindividuation theory, social identity theory, effusion, online offline behaviour, antinormative actions, cyberbullying, social media, Internet technologies misuse.

Funding: This article is a part of the research project “Development of a model for profiling online behavior of minors in social networks” financed by MSUPE.

For citation: Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V. Online and Offline Behavior: Two Realities or One? *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2020. Vol. 25, no. 3, pp. 101—115. DOI:<https://doi.org/10.17759/pse.2020250309> (In Russ.).

Психологические последствия «банализации» интернет-технологий

В современном мире Интернет настолько встраивается в повседневную жизнь человека, трансформируя его картину мира, что у индивида возникает ощущение, будто бы он является важным участником различных глобальных процессов [9; 51]. Интернет, несомненно, открыл перед человеком такие возможности, которых у него не было ранее [10].

В современном мире происходит трансформация традиционных институтов социализации, в значительной степени это касается семьи и школы. Снижение их влияния на индивида восполняется ростом воздействия средств массовой коммуникации (СМК) [12], ключевая роль принадлежит Интернету. Из трех социальных функций СМК — информационной, образовательной и развлекательной [3] — именно последняя является ведущей, особенно в подростково-молодежной среде, представители которой образуют субъекта образовательного процесса.

Цель настоящей работы заключается в социально-психологическом анализе влияния интернет-технологий на человека, на его социальный опыт.

45% населения земного шара являются пользователями социальных сетей, в РФ — 57,75 млн человек (40% населения страны) используют социальные сети. В среднем пользователи Интернета проводят в сети 6 часов 29 минут ежедневно, социальным сетям отдается в среднем 2 часа 16 минут [23]. Какую именно активность человек заменил Интернетом в своей повседневной жизни? Беглый взгляд позволяет заметить: на научных конференциях, заседаниях, лекциях и семинарах, в общественном транспорте, передвигаясь по улице, управляя автомобилем и пр., верные пользователи Всемирной сети неотступно отслеживают события, знакомятся с новостями, оставляют комментарии в социальных сетях, играют онлайн.

Цифры, полученные в опросе дискусионны, ибо пользователи Сети едва ли точны в своих оценках по ряду причин. Во-первых, погруженность в деятельность онлайн искажает восприятие и оценку времени, проведенного

в Сети. Экспериментальные факты демонстрируют, что ресурсы внимания, которыми располагает человек в тот или иной момент, определяются особенностями его когнитивной деятельности. Решая задачи, требующие абстрактной мыслительной деятельности, индивид располагает большими ресурсами внимания, чем в случае конкретной деятельности; как следствие, время в этих двух случаях воспринимается по-разному: в первом случае оно переживается как более продолжительное, во втором — как более короткое. Пребывание в Интернете соответствует первому типу когнитивной активности, пребывание в социальных сетях — второму. Во-вторых, если обратиться к критериям интернет-зависимости или проблемного использования Интернета, предложенным К. Янг, по аналогии с признаками патологической игры в азартные игры, то наличие пяти признаков уже говорит о зависимом интернет—поведении, которое характеризуется: 1) озабоченностью Интернетом; 2) потребностью в увеличении времени пребывания в Интернете для получения удовлетворения; 3) повторяющимися усилиями для уменьшения времени пребывания в Интернете; 4) раздражительностью; 5) депрессией; 6) лабильностью настроения при ограничении Интернета; 7) более продолжительным пребыванием в Интернете, чем это ожидается; 8) тем, что работа и отношения оказываются под угрозой, вызванной использованием Интернета; 9) обманом окружающих относительно длительности пребывания в Интернете; 10) использованием Интернета для улучшения настроения [54]. Очевидно, что самооценочные суждения о времени, проведенном в Интернете, не являются точными.

Итак, растет количество пользователей Интернета и социальных сетей, наиболее активной группой оказываются представители подростково-молодежной среды, ежегодно снижается возраст дебюта использования Интернета, возраст, в котором пользователи самостоятельно выходят в Интернет и определяют потребляемый контент [31]. Технические устройства индивидуализировали Интернет, сделали его мобильным [31]. По результатам последних замеров, проведенных в

европейских странах (в том числе и в России), за десятилетие значительно выросло число пользователей смартфонов; время, которое счастливые обладатели новых технологий проводят в Сети, увеличилось, удвоившись в некоторых странах [48].

Экспоненциальный рост показателей использования социальных сетей [23; 40; 41] отразился на специфике межличностного общения, оно в значительной степени перенеслось из реального мира в виртуальный [32]. А. Кенде отмечает: «Социальные медиа (и сопутствующие технологии) представляют собой, вероятно, самый большой переворот в том, как люди взаимодействуют и взаимодействуют друг с другом со времен Уильяма Джеймса» [27, р. 277]. К последствиям этого переворота относится серьезная трансформация самого процесса коммуникации, сопряженных с ним властных отношений, с расширением прав и возможностей участников коммуникации [34], норм коммуникации. Среди других качественных изменений процесса общения в Сети по сравнению с реальной ситуацией — его упрощение. Участники общения теперь имеют значительную степень свободы для поддержания анонимности (с вытекающими психологическими последствиями и особенностями взаимодействия); участники имеют возможность сконструировать идентичность, изменить ее, прервать или прекратить общение в любой момент [4; 5; 6; 11]. На уровне самого субъекта происходят изменения; как отмечает А.Ш. Тхостов, говоря о трансформации ВПФ в эпоху информационного общества [10], различаются последствия злоупотребления информационными технологиями: неспецифические и специфические. В первом случае базовый дефект является собой дефицит усилия — дефицит произвольной регуляции. Вторичные нарушения связываются с трудностями инициации и планирования деятельности, с нарушением контроля, с инфантилизацией. Во втором случае базовым дефектом является изоляция ВПФ и нарушение их иерархического строения. В этом случае вторичные нарушения связываются с «клиповым мышлением», растворением границ, трудностями принятия обязательств,

ответственности, субординации, а также с диффузией идентичности [10]. Не имея здесь достаточного формата для обсуждения этого вопроса, озадачимся, однако, тем, что есть злоупотребление. Почти 6,5 часов в день в среднем, добровольно отданные Интернету, являются ли показателем одного?

Анализ значительного количества работ свидетельствует о негативной стороне использования Интернета и социальных сетей, в частности, указывает на возникновение феноменов антинормативного спектра [4; 5; 6; 8; 10; 20; 26; 28; 30; 41; 42; 43; 50; 52; 53]. В подростково-молодежной среде социальные сети превратились в средство совершения актов насилия, направленных как на сверстников, (кибербуллинг), так и на самого себя (киберсамоубийство) [32].

Один пример: буллинг в реальной и виртуальной ситуациях. Кибербуллинг включает распространение угрожающих сообщений, слухов, раскрытие персональной информации или демонстрацию изображений щекотливого содержания, исключение из общения [52]. Несмотря на совпадение проявлений и последствий (снижение академической успеваемости, депрессия, снижение самооценки, суицидальные мысли [49]) этого явления в реальной жизни и в сети Интернет, в случае кибербуллинга отсутствие физической составляющей компенсируется иными способами воздействия, будь то тексты или изображения, которые в Интернете остаются постоянно и доступны широкой аудитории. Зачинщик кибербуллинга может использовать анонимность коммуникации, жертва же имеет ограниченную степень свободы для защиты [52]. Эмпирические факты позволяют говорить о связи поведения в Сети и в реальности на основе того, что 60% подростков, вовлеченных в буллинг, продолжают свои действия в Сети в виде кибербуллинга. Это справедливо для ситуаций, в которых интернет-пространство является продолжением реального взаимодействия [33]. С другой стороны, более продолжительное пребывание в Интернете коррелирует с вовлеченностью в буллинг и кибербуллинг [29]. И если в отношении кибербуллинга можно выдвинуть простое

объяснение: чем больше человек пребывает в Интернете, тем больше у него шансов расширить палитру действий онлайн, — то связь вовлеченности в буллинг с более продолжительным пребыванием в Интернет-пространстве потенциально указывает на существование другого механизма, объясняющего этот факт, а специфика причинно-следственных связей требует отдельного анализа. Необходимость поиска ответа на вопрос о том, как действия в интернет-пространстве соотносятся с поведением в реальной жизни, очевиден. К тому же явление агрессивного поведения в Сети, несмотря на значительное количество исследований [например: 20; 33; 52], по-прежнему остается не очень ясным. Исследования, насколько позволяет судить анализ, предпринятый К. Рост с коллегами [47], дескриптивны, что указывает на необходимость иного подхода, чем апелляция к интраиндивидуальным конструктам, среди которых: отсутствие эмпатии, недостаточные социальные навыки, нарциссизм, поиск новых ощущений, трудности с эмоциональной регуляцией или явления психологического спектра: одиночество, депрессия и тревога.

Использование Интернета влияет на субъекта общения, качественно меняя сам процесс. Тогда возникает вопрос: дает ли все сказанное выше основание утверждать, что с возникновением Интернета и его широким использованием взаимодействие в реальной жизни тоже претерпевает изменения, или все же изменения происходят с общением в Интернете по сравнению с реальностью, не затрагивая последней. Если опираться на идеи А.Ш. Тхостова, то представляется возможным говорить об изменениях, происходящих с индивидом в цифровую эпоху, с тем, как он думает, чувствует и действует — со всеми вытекающими последствиями [4; 5; 6; 10; 11]. Однако обратимся к рассмотрению исследований для ответа на этот вопрос, ибо во внимание нужно принимать тот факт, что действия в Интернете — это социальная практика, социальное взаимодействие, которые необходимо рассматривать в связи с такими конструктами, как группа, групповые нормы, социальная идентичность, социальное влияние.

Апелляция к «темной триаде» (макиавелизм, неклинический нарциссизм, неклиническая психопатия; предлагается говорить о «темной тетраде»: четвертый элемент — неклинический садизм [36]) широко используется, более или менее успешно для прогноза поведения, которое находится на периферии того, что считается социально приемлемым, т. е. речь идет о вовлеченности в буллинг, агрессивном поведении, совершении актов насилия в реальном и виртуальном взаимодействии [17; 36]. Подчеркнем, что, опираясь на эту теоретическую рамку, возможно объяснить интраиндивидуальными конструктами агрессию в Сети, артикулировать асоциальное поведение в Сети с оным в реальном мире для тех, у кого показатели «темной триады» выражены в значительной мере, т. е. схема применима только для незначительной части пользователей Интернета. Явление же агрессии онлайн гораздо шире. Едва ли индивидуальные различия позволяют объяснить социальное поведение, групповое взаимодействие, с которым мы имеем дело в сети Интернет. Очевидна необходимость социально-психологического знания.

Поведение в сети Интернет и в реальной жизни: в поисках объяснительной схемы

Социально-когнитивная теория направлена на предсказание поведения индивида, на определение способов модификации поведения, ибо оно не изменяется под действием только одного желания [14; 15; 16]. Среди ключевых понятий теории — реципрокный детерминизм, т. е. функционирование человека определяется действием трех типов взаимозависимых факторов: 1) когнитивных, аффективных, биологических, 2) поведенческих, 3) связанных с окружением. Вклад каждого из них варьирует. Человек осваивает новое поведение посредством моделирования; наблюдая других, он понимает то, как реализуется новое поведение, затем эта символическая конструкция направляет его собственное действие [14]. Используя символ, человек осмысляет опыт, придает ему форму, приближает к себе, у него открывается возможность анализировать последствия поведения без его не-

посредственного выполнения. Поведение человека в значительной степени регулируется его умением обдумывать действие заранее. Отсюда в теории предлагается различать ряд ожиданий, на которые люди ориентируются, предпринимая (не предпринимая) те или иные действия.

Различают два типа ожиданий: воспринимаемая самооффективность и ожидания от результата. Самооффективность — суждение индивида в отношении его умения организовать и выполнить действия. То, что люди думают, в чем убеждены, что чувствуют, оказывает влияние на то, как они себя ведут [14; 16]. Операционально воспринимаемая самооффективность рассматривается как уверенность человека в том, что он сможет выполнить намеченное поведение. Этот конструкт является более точным способом предсказания поведения, чем его умения. Чем сильнее воспринимаемая самооффективность, тем сильнее поддержка целей, на достижение которых направлены усилия индивида, тем больше усилий будет прикладывать он для выполнения того или иного действия. Ожидания в отношении результата — суждение о том, что исполнение поведения в результате приведет к определенному результату. Потенциал этой теории в том, чтобы продемонстрировать обучение поведению через процессы моделирования.

Вслед за Э. Аронсоном можно сделать ряд выводов, относительно последствий наблюдения насилия и агрессии на примере телевидения [2]: 1) в результате наблюдения насилия у зрителей снижается запрет на совершение агрессивных и жестоких действий; 2) наблюдение жестоких действий, совершаемы героями на экране, дает зрителям образец для подражания; 3) у зрителей возникает ощущение того, что гнев выразить легче, а это повышает вероятность агрессивного действия; 4) наблюдение за многочисленными агрессивными, жестокими действиями ведет к тому, что снижается сочувствие к жертве, увиденные действия не воспринимаются как ужасные, в результате зрителям теперь легче совершать агрессивные действия. По сути, речь идет о «нормализации насилия», когда этот способ

поведения не вызывает негативной эмоциональной реакции, становится приемлемой стратегией действия; соответственно, порог чувствительности к насилию возрастает. Подобное происходит и в случае наблюдения за жестокими действиями в Интернете. Опираясь на идеи социально-когнитивной теории для ответа на вопрос о соотношении онлайн-офлайн поведения, можно предполагать, что наблюдение за насилием, антинормативным, асоциальным поведением, которое остается без наказания, позволит субъекту смоделировать поведение, сконструировать самооффективность и действовать сходным образом в реальной жизни. Интернет-пространство оказывается площадкой для моделирования поведения, которое затем может выполняться в реальном мире.

Другой теоретической традицией, позволяющей понять то, что происходит с индивидом в эпоху глобализации, проанализировать последствия проникновения Интернета в повседневную жизнь, пролить свет на соотношение поведения в виртуальном мире и в реальности, является *теория социальных представлений* [37; 38]. Социальные представления (СП) — система ценностей, идей, практик; будучи социально выработанными и социально разделенными, они имеют структуру и обладают определенной социальной полезностью, необходимы индивидам в их повседневной жизни. СП позволяют индивидам ориентироваться в материальном и социальном мирах, создавая последний. Члены группы получают возможность выстраивать коммуникацию, обладая сходными кодами для называния и классификации различных аспектов окружающего мира [37]. Другими словами, функции СП таковы: 1) трансформация чего-то неизвестного, пугающего, зловещего в известное; 2) облегчение коммуникации за счет обеспечения участникам определенных кодов, выработанных в многочисленных диалогах; 3) ориентация социального поведения и оправдание социальных отношений; 4) конструирование и поддержание социальной идентичности [13; 18; 21; 38]. Существование СП указывает на существование группы, которая его порождает и разделяет, члены которой используют их

в своей повседневной жизни. СП, будучи социально выработанными и разделенными, порождаются в многочисленных коммуникациях и обсуждениях. Различается ряд уровней коммуникаций [35]: 1) **межличностной уровень** (коммуникация среди людей, обладающих высокой социальной близостью (члены семьи, друзья, коллеги). Неформальная коммуникация, происходящая в реальном времени, характеризуется особенностями, присущими межличностному общению. Здесь происходит социальная валидизация выводов, категоризации и атрибуции. Предполагается большая вовлеченность индивидов, консенсус, ибо собеседники намерены поддерживать сложившиеся социальные контакты); 2) **уровень публичных дебатов** (межличностная коммуникация осуществляется в присутствии других, которые не принимают непосредственного участия в процессе обсуждения. Участники стремятся высказывать мнение, аргументировать позицию, предполагается не консенсус, а столкновение мнений); 3) **уровень СМК** (реципиенты сталкиваются с большим количеством разнообразной, противоречивой информации, которая не принимается полностью как истинная, но и не рассматривается как ложная. Возникает феномен «снежного кома»: чем больше люди говорят о чем-либо, тем более важным оно становится, — еще больше об этом говорим); 4) **уровень культурной коммуникации** (литературная, театральная, кинематографическая продукция).

В рамках теории СП различают системы массовой коммуникации [38]: **распространение** (широкая передача информации, опирающаяся на дистанцированный, интеллектуальный стиль), **воспроизведение** (информирование групп, имеющих сходные взгляды о некотором явлении, здесь используются указания на нормы и ценности, разделяемые в группе), **пропаганда** (способ усиления идентичности, побуждения к действию).

Рассматривая ситуацию возникновения и широкого распространения новых технологий, в частности Интернета, С. Московиси отмечает, что социальные сети и виртуальная реальность — это «магистраль» информации, но по ним передаются СП, обладающие опре-

деленной логикой; С. Московиси обозначает их как киберпредставления [39; 46]. В перспективе — необходимость исследовать новые явления, а именно: «как здравый смысл, языковой обмен и группы формируются в кибер-коммуникации» [39, р.19]. Развитие этой идеи последователями Московиси позволило описать новую систему коммуникации — эффузию [19]: участники коммуникации обладают эквивалентными статусами, их позиции власти в процессе коммуникации взаимозаменяемы, асимметрия статуса, характерная для всех остальных систем, отсутствует. Цели, которые преследуются, а также аудитория, к которой обращается коммуникатор в случае эффузии, отличаются от оных в классических системах, описанных С. Московиси. Предполагается не только обмен информацией, но и впечатлениями, оценками, чувствами и эмоциями. Как отмечает Ф. Бушини, представляется возможным проводить аналогии между этой системой коммуникации и слухами, ибо в обоих случаях информация передается от коммуникатора к реципиенту, каждый из них взаимозаменяем и обладает равным статусом [19]. Эта система коммуникации подразумевает не только ориентацию на других, но и активное вовлечение в коммуникацию ее участников, что объясняет трансформации общения в сети Интернет, о которых мы говорили выше. Таким образом, теория СП является средством анализа социального поведения, дает ключ к пониманию того, как массовая коммуникация связана с СП, которые, в свою очередь, регулируют социальное поведение и социальные отношения.

Анализ поведения через призму этих двух теорий скорее позволяет говорить о том, что обе теории дают объяснение поведению, интегрируя факт распространения и широкого использования Интернета. Антинормативное поведение в одном случае моделируется, Интернет выступает той самой ареной для этого поведения. В другом случае антинормативное поведение объясняется тем, что в коммуникациях на различных уровнях, в том числе посредством социальных сетей, формируется СП, регулирующее поведение и оправдывающее социальные отношения.

Третья теоретическая традиция — теории деиндивидуализации. Деиндивидуализация — широко изучаемый эффект, происходящий в группах [44], восходит к первым историческим формам социально-психологического знания, предложенным в рамках *психологии масс* [1]. Так, Г. Лебон настаивает на том, что деиндивидуализация происходит только при определенных условиях, «... собрание людей имеет совершенно новые черты, отличающиеся от тех, которые характеризуют отдельных индивидов, входящих в состав этого собрания» [7, с. 156]. Собрание индивидов, образующих толпу, трансформируется в так называемую коллективную душу, которая обладает определенными чертами, хотя и временно. В толпе исчезает сознательная личность, чувства и идеи отдельных индивидов принимают одно направление. Анонимность, внушаемость и заражение трансформируют собрание индивидов в толпу, действующую по «закону духовного единства толпы» [7, с. 157], когда коллективный разум доминирует над индивидуальным. Человек, погруженный в толпу, утрачивает самоконтроль, интеллектуальные способности, превращается в «безмозглую марионетку, способную нарушать персональные и социальные нормы» [44, р. 239]. По сути, понимание трансформаций, происходящих с индивидами, когда они попадают в интернет-пространство, возвращают нас к идеям Лебона.

Феномен деиндивидуализации получил экспериментальную проверку в работах Л. Фестингера в 50-е гг. XX в. [22]. Деиндивидуализация, с точки зрения Л. Фестингера, — это состояние, возникающее, когда человек «погружен в группу»; в результате этого индивиды не рассматриваются как индивиды и не рассматривают других как индивидов, т. е. снижаются самоконтроль и самоограничения, человек утрачивает свою индивидуальность. В результате человек позволяет себе поведение, которое обычно сдерживается [22].

Представители классических и современных вариантов теории деиндивидуализации спорят о механизмах явления, описанного Г. Лебоном [44]. Метааналитическое исследование, предпринятое Т. Постмесом и

Р. Спирсом, проливает свет на предикторы антинормативного поведения. Если изначально предполагалось, что оно вызывается анонимностью, многочисленностью группы, снижением самосознания, то метаанализ не выявил этого. Антинормативное поведение связывается с нарушением общих социальных норм, как результатом деиндивидуализации [44]. Исследователи заметили, что деиндивидуализирующие факторы (анонимность, многочисленность группы, снижение самосознания) усиливают следование ситуативным нормам, по аналогии с тем, как это показал С. Рейчер при анализе коллективного поведения [24; 44]: толпа подчиняется определенным ограничениям и правилам, нежели действует иррационально. То, что наблюдателем извне воспринимается как антинормативное и бессмысленное, с точки зрения толпы, соответствует нормам, однако не общим, а ситуативным [24; 44]. По сути, это возвращает нас к работам М. Шерифа [45] — ситуация неопределенности способствует выработке норм, а именно: вырабатывается общее понимание того, что допустимо и ожидаемо, а что таковым не является. По идее Шерифа, это требуется для ориентации и стабилизации поведения [45]. Именно это и объясняет то, что происходит в Интернет-коммуникации. В ситуации неопределенности, которая характеризует общение в Интернете, пользователи ориентируются на ситуативные нормы.

Т. Постмес и Р. Спирс предлагают объяснение результатов метаанализа в рамках подхода социальной идентичности [24; 44]. Для Г. Тэшфела социальная идентичность — это «... знание индивидом своей принадлежности к определенным социальным группам вместе с некоторой эмоциональной и ценностной значимостью для него принадлежности к этой группе» [цит. по: 24, р. 15], это интернализованная групповая принадлежность, которую индивид использует для ответа на вопрос «кто мы такие?» в том или ином контексте. Именно благодаря социальной идентичности, этому когнитивному механизму, возможно групповое поведение [24]. Этот тип идентичности отличается от персональной идентичности (интернализированного чувства инди-

видуальности) [24]. С точки зрения теории социальной идентичности, человек принадлежит к разным группам, имеет различные социальные и персональные идентичности, существует своего рода варьирование в отношении важности идентичностей, однако социальный контекст актуализирует только одну релевантную социальную идентичность, через призму которой индивид будет воспринимать других и действовать [25]. Новые технологии открывают перед индивидом широкие возможности управлять своей идентичностью, конструировать ее, представлять ее так, как он желает [49]. Очевидно, что в реальной жизни это гораздо сложнее осуществить.

В ситуации деиндивидуализации человек не утрачивает персональной идентичности, социальная идентичность оказывается релевантной, преобладает по сравнению с персональной идентичностью. Отсюда человек в состоянии деиндивидуализации уделяет преимущественное внимание именно групповым, ситуативным нормам, а не общим социальным, он реагирует в соответствии с нормами, диктуемыми непосредственным социальным контекстом, общие социальные нормы не действуют [41].

Обращение к деиндивидуализации как механизму объяснения того, что происходит в интернет-коммуникации, ставит под сомнение возможность прогнозирования поведения человека в реальности на основе наблюдений за его действиями в виртуальном пространстве. Результаты исследований, в которых словесная война, разгорающаяся на просторах интернет-пространства, обман в онлайн играх, объясняются с точки зрения модели социальной идентичности, приложимой к эффектам деиндивидуализации [20; 28; 33; 44]. Состояние деиндивидуализации изменяет поведение человека, не позволяя прогнозировать его действия в реальном мире.

Выводы. В современную эпоху интернет-технологии настолько встраиваются в картину мира человека, что у него возникает ощущение, будто бы он является важным участником глобальных процессов. Наиболее активно сеть Интернет и социальные медиа используются в подростково-молодежной среде [31].

Среди последствий проникновения социальных медиа в повседневную жизнь представляется возможным различать трансформацию и упрощение процесса коммуникации, изменение властных отношений и норм коммуникации. Участники общения теперь имеют разнообразные возможности для поддержания анонимности (с вытекающими психологическими последствиями). Они обладают степенями свободы для конструирования и модификации идентичности, прерывания или полного прекращения общения в любой момент [4; 5; 6]. Злоупотребление интернет-технологиями оборачивается рядом изменений самого субъекта взаимодействия, среди которых — дефицит усилия, ведущий к дефициту произвольной регуляции. Как следствие возникают нарушения, связанные с трудностями инициации и планирования деятельности, с реализацией функции контроля, с инфантилизацией. Кроме того, изоляция ВПФ и нарушение их иерархического строения связывается с «клиповым мышлением», растворением границ, трудностями принятия обязательств, ответственности, субординации, а также с диффузией идентичности [10].

Анализ исследований свидетельствует о негативной стороне использования Интернета и социальных сетей, указывает на возникающие феномены и явления анти-нормативного спектра [4;5; 6; 8; 10; 20; 26; 28; 30; 41; 42; 43; 50; 52; 53]. Поиск причин агрессивного поведения онлайн и попытки прогнозировать поведение в реальном мире на основе наблюдения за действиями в Сети базируются в значительной степени на интраиндивидуальных конструктах. Палитра оных значительна, а сами исследования носят дескриптивный характер; зачастую это серии эмпирических фактов, которые нуждаются в дальнейшем теоретическом осмыслении. Отсюда следуют два важных вывода: во-первых, требуется теоретическая модель, которая позволила бы объяснить механизмы поведения и дать основания для прогноза соотношения поведения в Сети с действиями в реальности. Во-вторых, необходимая теоретическая рамка должна обладать объяснительным потенциалом, приложимым к

проблеме социального поведения, группового взаимодействия; именно такими являются действия в сети Интернет, т. е. речь идет о социально-психологическом знании.

Предпринятый анализ социально-психологических теорий (социально-когнитивной теории, теории СП и теории деиндивидуализации с апелляцией к теории социальной идентичности) позволил выявить механизмы, объясняющие социальное поведение индивида, а также ответить на вопрос, как соотносится поведение в сети Интернет с поведением в реальном мире. Социально-когнитивная теория говорит в пользу того, что антинормативное поведение моделируется, Интернет выступает той самой ареной для этого поведения, что облегчает исполнение его в реальной жизни. С позиции теории СП, антинормативное поведение может быть объяснено тем, что в коммуникациях, осуществляемых на различных уровнях, в том числе посредством социальных сетей, формируется СП, регулирующее поведение и оправдывающее социальные отношения. Наконец, с позиции теории деиндивидуализации, антинормативное поведение связывается с тем, что деиндивидуализирующие факторы (анонимность, многочисленность группы, снижение самосознания) усиливают следование ситуативным нормам, ситуация неопределенности способствует выработке норм, а именно: вырабатывается общее понимание того, что допустимо и ожидаемо, а что таковым не является [45]. В ситуации неопределенности, которая характеризует общение в Интернете пользователи ориентируются на ситуативные нормы. Таким образом, наблюдая поведение человека в сети Интернет, не представляется возможным прогнозировать его действия в реальном мире, ибо состояние деиндивидуализации объясняется тем, что социальная идентичность оказывается релевантной, пре-

обладает по сравнению с персональной идентичностью, как следствие человек уделяет преимущественное внимание именно групповым, ситуативным нормам, а не общим социальным, его действия регулируются нормами, диктуемыми непосредственным социальным контекстом, а общие социальные нормы не функционируют [44].

Предпринятый нами анализ позволяет наметить линию исследования проблемы соотношения поведения онлайн и офлайн. В частности, изучению подлежит вопрос о том, как понимаются нормы поведения в Сети и в реальной жизни с точки зрения теории СП, как пользователи Интернета воспринимают насилие в реальности и в Сети, такого рода знание позволит строить ожидания в отношении действий индивида. Потенциал этой теоретической линии, по сравнению с другими, определяется тем, что ее объяснительными конструктами являются: СП, коммуникация (в процессе которой происходит построение СП. Кроме того, новая система коммуникации — эффузия — объясняет процесс общения в Сети, те трансформации, которые происходят с процессом общения в Сети по сравнению с реальностью), а также поведение, которое регулируется соответствующим СП. Именно в рамках теории СП артикулированы отношения между СП и социальной идентичностью. Наконец, предпринятый анализ убедительно демонстрирует необходимость разработки профилактических мер антинормативного поведения в подростково-молодежной среде. Перспективность именно этой теории связывается с тем, что СП — это своего рода фильтры, которые действуют при восприятии превентивной информации. Отсюда эффективность профилактических программ определяется знанием СП о соответствующих объектах (насилие, агрессия), ибо СП направляют поведение индивида.

Литература

1. Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Аспект пресс. 2002. 364 с.
2. Аронсон Э., Пратканис Э.Р. Эпоха пропаганды: Механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление: изд. перераб. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК. 2003. 384 с.

3. Богомолова Н.Н. Социальная психология массовой коммуникации. М.: Аспект пресс. 2008. 191 с.
4. Емелин В.А., Рассказова Е.И., Тхостов А.Ш. Технологии и идентичность: трансформация процессов идентификации под влиянием технического прогресса // Современные

исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 9. С. 33.

5. *Емелин В.А., Тхостов А.Ш.* Деформация хронотопа в условиях социокультурного ускорения // *Вопросы философии*. 2015. № 2. С. 15—24.

6. *Емелин В.А., Тхостов А.Ш.* Соблазны и ловушки темпоральной идентичности // *Вопросы философии*. 2016. № 8. С. 115—125.

7. *Лебон Г.* Психология народов и масс. М.: Академичекий проект. 2011. 238 с.

8. *Тихонова А.Д.* Социальные медиа и молодежь: риск радикализации // *Психология и право*. 2018. Том 8. № 4. С. 55—64. DOI:10.17759/psylaw.2018080406

9. *Тихонова А.Д., Дворянчиков Н.В., Эрнст-Винтила А., Бовина И.Б.* Радикализация в подростково-молодежной среде: в поисках объяснительной схемы // *Культурно-историческая психология*. 2017. Том 13. № 3. С. 32—40. DOI:10.17759/chp.2017130305

10. *Тхостов А.Ш.* Трансформация высших психических функций в эпоху информационного общества [Электронный ресурс]. URL:<https://www.youtube.com/watch?v=B8FuleaAWfo> (дата обращения: 08.05.2020).

11. *Тхостов А.Ш., Сурнов К.Г.* Влияние современных технологий на развитие личности и формирование патологических форм адаптации: обратная сторона социализации // *Психологический журнал*. 2005. № 6. С. 16—24.

12. *Юревич А.В.* Три источника и три составные части поддержания нравственности в обществе // *Психологические исследования нравственности / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич*. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 2013. С. 13—35.

13. *Abric J.-C.* *Pratiques sociales et représentations*. Paris: Presses Universitaires de France, 1994. 450 p

14. *Bandura A.* Self-efficacy: towards unifying theory of behavior change // *Psychological Bulletin*. 1977. Vol. 84. P. 191—215.

15. *Bandura A.* Social cognitive theory // *Mediapsychology*. 2001. P. 265—299.

16. *Bandura A.* The evolution of social cognitive theory. In: K.G. Smith, M.A. Hitt (eds.). *The great minds in management*. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 9—35.

17. *Birkás B., Matuz A., Csathó Á.* Examining the deviation from balanced time perspective in the dark triad throughout adulthood // *Frontiers in Psychology*. 2018. Vol. 9. DOI:10.3389/fpsyg.2018.01046

18. *Breakwell G.* Social representational constraints upon identity processes // *Representations of the Social: Bridging Theoretical Traditions / K. Deaux, G. Philogène* (eds.). Oxford: Blackwell Publishers, 2001. P. 271—284.

19. *Buschini F.* Diffusion, propagation, propagande : et après ? L'effusion, un nouveau mode de communication médiatique pour l'étude des représentations sociales //

Paper presented at the EASP Small group meeting in honor of Serge Moscovici. 2016. 17—18 November.

20. *Cheung C.M.K., Wong R.Y.M., Chan T.K.H.* Online disinhibition: conceptualization, measurement, and relation to aggressive // *Thirty Seventh International Conference on Information Systems*, Dublin, 2016.

21. *Doise W.* Les représentations sociales: définition d'un concept // *L'étude des représentations sociales / W. Doise, A. Palmonari* (eds.). Neuchatel: Delachaux & Niestlé, 1986. P. 86—98.

22. *Festinger L., Pepitone A., Newcomb T.* Some consequences of deindividuation in a group // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1952. Vol. 47. P. 382—389. DOI:10.1037/h0057906

23. Global digital report 2019 — We are social [Электронный ресурс]. URL:<https://wearesocial.com/global-digital-report-2019> (дата обращения: 06.05.2020).

24. *Haslam C., Jetten J., Cruwys T., Dingle G., Haslam S.A.* *The new psychology of health*. London: Routledge, 2018. 490 p.

25. *Hogg M.A.* Social identity theory. In: P.J. Burke (ed.). *Contemporary social psychological theories*. Palo-Alto: Stanford University Press, 2006. P. 111—136.

26. *Joinson A.N.* Causes and implications of disinhibited behavior on the Internet // *Psychology and the Internet / J. Gackenbach* (ed.). Boston, MA: Academic Press, 2007. P. 43—60.

27. *Kende A., Ujhelyi A., Joinson A., Greitemeyer T.* Putting the social (psychology) into social media // *European Journal of Social Psychology*. 2015. Vol. 45. P. 277—278. DOI:10.1002/ejsp.2097

28. *Kim K.K., Lee A.R., Lee U.-K.* Impact of anonymity on roles of personal and group identities in online communities // *Information and Management*. 2019. Vol. 56. P. 109—121. DOI:10.1016/j.im.2018.07.005

29. *Kircabum K., Bastug I.* Predicting cyberbullying tendencies of adolescents with problematic internet use // *The Journal of Academic Social Science Studies*. 2017. Vol. 48. P. 385—396. DOI:10.9761/JASSS3597

30. *Lapidot-Lefler N., Barak A.* The benign online disinhibition effect: could situational factors induce self-disclosure and prosocial behaviors? // *Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace*. 2015. Vol. 9. Article 3. DOI: 10.5817/CP2015-2-3

31. *Livingstone S., Haddon L., Görzing A., Ólafsson K., with members of the EU kids online network.* EU kids online. London: Final report. September, 2011. 54 p.

32. *Lowry P.B., Zhang J., Wang C., Siponen M.* Why do adults engage in cyberbullying on social media? An integration of online disinhibition and deindividuation effects with the social structure and social learning model // *Information Systems Research*. 2016. Vol. 27. P. 962—986. DOI:10.1287/isre.2016.0671

33. *Martínez-Ferrer B., Moreno D., Musitu G.* Are adolescents engaged in the problematic use of social networking sites more involved in peer aggression and

- victimization? // *Frontiers in Psychology*. 2018. Vol. 9. P. 1—13. DOI:10.3389/fpsyg.2018.00801
34. *Marzouki Y.* La conscience collective virtuelle: un nouveau paradigme des comportements collectifs en ligne // *Les représentations sociales. Théories, méthodes et applications* / G. Lo Monaco, S. Delouvé, P. Rateau (eds.). Louvain-la-Neuve: De Boeck Supérieur, 2016. P. 413—415.
35. *Moliner P.* Une approche chronologique des représentations sociales // *La dynamique des représentations sociales* / P. Moliner (ed.). Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble, 2001. P. 245—268.
36. *Moor L., Anderson J.* A systematic literature review of the relationship between dark personality traits and antisocial online behaviours // *Personality and Individual Differences*. 2019. Vol. 144. P. 40—55. DOI:10.1016/j.paid.2019.02.027
37. *Moscovici S.* Foreword // *Health and illness. A social psychological analysis* / C. Herzlich (ed.). London: Academic Press, 1973. P. ix—xiv.
38. *Moscovici S.* La Psychanalyse: son image et son public. Paris: Presses Universitaires de France, 1961. 652 p.
39. *Moscovici S.* Vygotsky, le Grand Robert et la cyber-représentation // *Les Cahiers Internationaux de Psychologie Sociale*. 1995. Vol. 28. P. 15—21.
40. *Ovejero A., Yubero S., Larrañaga E., de la V. Moral M.* Cyberbullying: definitions and facts from a psychosocial perspective // *Cyberbullying across the globe* / P. Navarro, S. Yubero, E. Larrañaga (eds.). Switzerland: Springer international publishing, 2016. P. 1—33.
41. *Patton D.U., Hong J.S., Ranney M., Patel S., Kelley C., Eschmann R., Washington T.* Social media as a vector for youth violence: A review of the literature // *Computers in Human Behavior*. 2014. DOI:10.1016/j.chb.2014.02.043
42. *Piper S.* Workplace toxic online disinhibition. Presented to the interdisciplinary studies program: University of Oregon applied information management, 2015. 48 p.
43. *Pornari C.D., Wood J.* Peer and cyber aggression in secondary school students: the role of moral disengagement, hostile attribution bias, and outcome expectancies // *Aggressive Behaviour*. 2010. Vol. 36. P. 81—94. DOI:10.1002/ab.20336.
44. *Postmes T., Spears R.* Deindividuation and antinormative behavior: a meta-analysis // *Psychological Bulletin*. 1998. Vol. 123. P. 238—259. DOI:10.1037/0033-2909.123.3.2381998
45. *Prislin R., Crano W.* A history of social influence research // *The Handbook of the History of Social Psychology* / A. Kruglanski, W. Stroebe (eds.). New York, NY: Psychology Press, 2012. P. 321—339.
46. *Rosa A. de, Fino E., Bocci E.* From the psychoanalyst's couch to social networks // *Advanced methodologies and technologies in media and communications* / M. Khosrow-Pour (ed.). IGI Global, 2019. P. 391—402.
47. *Rost K., Stahel L., Frey B.S.* Digital Social Norm Enforcement: Online Firestorms in Social Media // *PLoS ONE*. 2016. Vol. 11. DOI:10.1371/journal.pone.0155923
48. *Smahel D., Machackova H., Mascheroni G., Dedkova L., Staksrud E., Ólafsson K., Livingstone S., Hasebrink U.* EU Kids Online 2020: Survey results from 19 countries. EU Kids Online. 2020. DOI: 10.21953/lse.47fdeqj010fo
49. *Spears R., Lea M., Postmes T., Wolbert A.* A SIDE look at computer mediated communication: Power and the gender divide // *Strategic uses of social technology: An interactive perspective of social psychology* / Z. Birchmeier, B. Dietz-Uhler, G. Stasser (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 16—39.
50. *Suler J.* The online disinhibition effect // *Cyberpsychology and Behaviour*. 2004. Vol.7. P. 321—326.
51. *Tateo L.* Représentations sociales et nouvelles technologies // *Les représentations sociales. Théories, méthodes et applications* / L. Monaco, S. Delouvé, P. Rateau (eds.). Louvain-la-Neuve: De Boeck Supérieur. 2016. P. 399—408.
52. *Udris R.* Psychological and social factors as predictors of online and offline deviant behavior among Japanese adolescents // *Deviant Behavior*. 2017. Vol. 38. P. 792—809 DOI:10.1080/01639625.2016.1197689
53. *Wu S., Lin T.-G., Shih J.F.* Examining the antecedents of online disinhibition // *Information Technology and People*. 2017. Vol. 30. P. 189—209. DOI:10.1108/ITP-07-2015-0167
54. *Young K.S.* Internet addiction: the emergence of a new clinical disorder // *CyberPsychology and Behavior*. 1998. Vol. 1. P. 237—244. DOI:10.1089/cpb.1998.1.237

References

1. Andreeva G.M. *Social'naja psihologija* [Social psychology]. M., Aspect press. 2002. 364 p. (In Russ).
2. Aronson E., Pratkanis A.R. *Epokha propagandy: Mekhanizmy ubezhdeniya, povsednevnoye ispol'zovaniye i sopernichestvo* [Age of propaganda: The everyday use and abuse of persuasion]. Saint Petersburg: Praim-evroznak. 2003. 384 p. (In Russ).
3. Bogomolova N.N. *Social'naja psihologija massovoj kommunikacii* [Social psychology of mass communication]. Moscow: Aspekt press. 2008. 191 p. (In Russ).
4. Yemelin V.A., Rasskazova Ye.I., Tkhostov A.SH. *Tekhnologiya i identichnost': transformatsiya protsessov identifikatsii pod vliyaniem tekhnicheskogo progressa* [Technology and identity: the transformation

- of identification processes under the influence of technological progress]. *Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem (elektronnyy nauchnyy zhurnal)=Modern research on social problems (electronic scientific journal)*, 2012. Vol.17, no. 9, pp. 33. (In Russ.).
5. Yemelin V.A., Tkhostov A.SH Deformatsiya khronotopa v usloviyakh sotsiokul'turnogo uskoreniya [Chronotope deformation in conditions of sociocultural acceleration]. *Voprosy filosofii = Philosophy Issues*, 2015, no. 2, pp. 15—24. (In Russ.).
6. Yemelin V.A., Tkhostov A.SH. Soblazny i lovshki temporal'noy identichnosti [The temptations and pitfalls of temporal identity] *Voprosy filosofii= Philosophy Issues*, 2016, no. 8, pp. 115—125. (In Russ.).
7. Lebon G. *Psikhologiya narodov i mass* [Psychology of peoples and masses]. Moscow: Academic project. 2011. 238 p. (In Russ.).
8. Tikhonova A.D. Sotsial'nyye media i molodezh': risk radikalizatsii [Social Media and Youth: The Risk of Radicalization]. *Psikhologiya i pravo= Psychology and Law*, 2018. Vol 8, no 4, pp. 55—64. DOI:10.17759/psylaw.2018080406 (In Russ.).
9. Tikhonova A.D., Dvoryanchikov N.V., Ernst-Vintila A., Bovina I.B. Radikalizatsiya v podrostkovomolodezhnoy srede: v poiskakh ob'yasnitel'noy skhemy [Radicalisation of Adolescents and Youth: In Search of Explanation]. *Kulturno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2017. Vol. 13, no. 3, pp. 32—40. DOI:10.17759/chp.2017130305. (In Russ.).
10. Tkhostov A.Sh. Transformatsiya vysshikh psikhicheskikh funktsiy v epokhu informatsionnogo obshchestva [Transformation of higher mental functions in the era of the information society] URL:<https://www.youtube.com/watch?v=B8FuleaAWfo> (Accessed 08.05.2020) (In Russ.).
11. Tkhostov A.Sh., Surnov K.G. Vliyaniye sovremennykh tekhnologii na razvitiye lichnosti i formirovaniye patologicheskikh form adaptatsii: obratnaya storona [The impact of modern technologies on the development of personality and the formation of pathological forms of adaptation: back side]. *Psihologicheskii zhurnal = Psychological journal*, 2005, no. 6, pp. 16—24 (In Russ.).
12. Yurevich A.V. Tri istochnika i tri sostavnyye chasti podderzhaniya npravstvennosti v obshchestve [Three sources and three components of maintaining morality in society] In: A.L. Zhuravlev, A.V. Yurevich (eds.). *Psikhologicheskkiye issledovaniya npravstvennosti* [Psychological studies of morality]. Moscow: Publishing house "Institute of Psychology RAS". 2013, pp. 13—35. (In Russ.).
13. Abric J.-C. *Pratiques sociales et représentations*. Paris: Presses Universitaires de France, 1994. 450 p.
14. Bandura A. Self-efficacy: towards unifying theory of behavior change. *Psychological Bulletin*, 1977. Vol. 84, pp. 191—215.
15. Bandura A. Social cognitive theory. *Mediapsychology*, 2001, pp. 265—299.
16. Bandura A. The evolution of social cognitive theory. In: K.G.Smith, M.A.Hitt (eds.). *The great minds in management*. Oxford: Oxford University Press, 2005, pp. 9—35.
17. Birkás B., Matuz A., Csathó Á. Examining the deviation from balanced time perspective in the dark triad throughout adulthood. *Frontiers in Psychology*, 2018. Vol. 9. DOI:10.3389/fpsyg.2018.01046
18. Breakwell G. Social representational constraints upon identity processes. In: K. Deaux, G. Philogène (eds.). *Representations of the Social: Bridging Theoretical Traditions*. Oxford: Blackwell Publishers, 2001, pp. 271—284.
19. Buschini F. *Diffusion, propagation, propagande : et après ? L'effusion, un nouveau mode de communication médiatique pour l'étude des représentations sociales*. Paper presented at the EASP Small group meeting in honor of Serge Moscovici, 17—18 November, 2016.
20. Cheung C.M.K., Wong R.Y.M., Chan T.K.H. *Online disinhibition: conceptualization, measurement, and relation to aggressive*. Thirty Seventh International Conference on Information Systems, Dublin 2016.
21. Doise W. Les représentations sociales: définition d'un concept. In: W. Doise, A. Palmonari (eds.). *L'étude des représentations sociales*. Neuchatel: Delachaux & Niestlé, 1986, pp. 86—98.
22. Festinger L., Pepitone A., Newcomb T. Some consequences of deindividuation in a group. *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 1952. Vol. 47, pp. 382—389. DOI:10.1037/h0057906
23. *Global digital report 2019 — We are social*. URL:<https://wearesocial.com/global-digital-report-2019> (Accessed: 06.05.2020)
24. Haslam C., Jetten J., Cruwys T., Dingle G., Haslam S.A. *The new psychology of health*. London: Routledge, 2018. 490 p.
25. Hogg M.A. Social identity theory. In: P.J. Burke (ed.). *Contemporary social psychological theories*. Palo-Alto: Stanford University Press, 2006, pp. 111—136.
26. Joinson A. N. Causes and implications of disinhibited behavior on the Internet. In: J. Gackenbach (ed.). *Psychology and the Internet*. Boston, MA: Academic Press, 2007, pp. 43—60.
27. Kende A., Ujhelyi A., Joinson A., Greitemeyer T. Putting the social (psychology) into social media. *European Journal of Social Psychology*, 2015. Vol. 45, pp. 277—278. DOI:10.1002/ejsp.2097.
28. Kim K.K., Lee A.R., Lee U.-K. Impact of anonymity on roles of personal and group identities in online communities. *Information and Management*, 2019. Vol. 56, pp.109—121. DOI:10.1016/j.im.2018.07.005.
29. Kircabum K., Bastug I. Predicting cyberbullying tendencies of adolescents with problematic internet use. *The Journal of Academic Social Science Studies*, 2017. Vol. 48, pp. 385—396. DOI:10.9761/JASSS3597

30. Lapidot-Leffer N., Barak A. The benign online disinhibition effect: could situational factors induce self-disclosure and prosocial behaviors? *Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace*, 2015. Vol. 9, article 3. DOI: 10.5817/CP2015-2-3.
31. Livingstone S., Haddon L., Görzing A., Ólafsson K., with members of the EU kids online network. *EU kids online*. London. Final report. September. 2011. 54 p.
32. Lowry P.B., Zhang J., Wang C., Siponen M. Why do adults engage in cyberbullying on social media? An integration of online disinhibition and deindividuation effects with the social structure and social learning model. *Information Systems Research*, 2016. Vol. 27, pp. 962—986. DOI:10.1287/isre.2016.0671
33. Martínez-Ferrer B., Moreno D., Musitu G. Are adolescents engaged in the problematic use of social networking sites more involved in peer aggression and victimization? *Frontiers in Psychology*, 2018. Vol. 9, pp. 1—13. DOI:10.3389/fpsyg.2018.00801
34. Marzouki Y. La conscience collective virtuelle: un nouveau paradigme des comportements collectifs en ligne. In: G. Lo Monaco, S. Delouvé, P. Rateau (eds.). *Les représentations sociales. Théories, méthodes et applications*. Louvain-la-Neuve: De Boeck Supérieur, 2016, pp. 413—415.
35. Moliner P. Une approche chronologique des représentations sociales. In: P. Moliner (ed.). *La dynamique des représentations sociales*. Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble, 2001, pp. 245—268.
36. Moor L., Anderson J. A systematic literature review of the relationship between dark personality traits and antisocial online behaviours. *Personality and Individual Differences*, 2019. Vol.144, pp. 40—55. DOI:10.1016/j.paid.2019.02.027
37. Moscovici S. Foreword. In: C. Herzlich. *Health and illness. A social psychological analysis*. London: Academic Press, 1973, pp. ix—xiv.
38. Moscovici S. *La Psychanalyse: son image et son public*. Paris: Presses Universitaires de France, 1961. 652 p.
39. Moscovici S. Vygotsky, le Grand Robert et la cyber-représentation. *Les Cahiers Internationaux de Psychologie Sociale*, 1995. Vol. 28, pp. 15—21.
40. Ovejero A., Yubero S., Larrañaga E., de la V. Moral M. Cyberbullying: definitions and facts from a psychosocial perspective. In: P. Navarro, S. Yubero, E. Larrañaga (eds.). *Cyberbullying across the globe*. Springer international publishing. Switzerland, 2016, pp. 1—33.
41. Patton D.U., Hong J.S., Ranney M., Patel S., Kelley C., Eschmann R., Washington T. Social media as a vector for youth violence: A review of the literature. *Computers in Human Behavior*, 2014. DOI:10.1016/j.chb.2014.02.043
42. Piper S. *Workplace toxic online disinhibition*. Presented to the interdisciplinary studies program: University of Oregon applied information management, 2015. 48 p.
43. Pornari C.D., Wood J. Peer and cyber aggression in secondary school students: the role of moral disengagement, hostile attribution bias, and outcome expectancies. *Aggressive Behaviour*, 2010. Vol. 36, pp. 81—94. DOI:10.1002/ab.20336.
44. Postmes T., Spears R. Deindividuation and antinormative behavior: a meta-analysis. *Psychological Bulletin*, 1998. Vol. 123, pp. 238—259. DOI:10.1037/0033-2909.123.3.2381998
45. Prislun R., Crano W. A history of social influence research. In: A. Kruglanski, W. Stroebe (eds.). *The Handbook of the History of Social Psychology*. New York, NY: Psychology Press, 2012, pp. 321—339.
46. de Rosa A., Fino E., Bocci E. From the psychoanalyst's couch to social networks. In M. Khosrow-Pour (ed.). *Advanced methodologies and technologies in media and communications*. IGI Global, 2019, pp. 391—402.
47. Rost K., Stahel L., Frey B.S. Digital Social Norm Enforcement: Online Firestorms in Social Media. *PLoS ONE*, 2016. Vol. 11. DOI:10.1371/journal.pone.0155923
48. Smahel D., Machackova H., Mascheroni G., Dedkova L., Staksrud E., Ólafsson K., Livingstone S., Hasebrink U. EU Kids Online 2020: Survey results from 19 countries. *EU Kids Online*. 2020. DOI:10.21953/lse.47fdeqj010fo
49. Spears R., Lea M., Postmes T., Wolbert A. A SIDE look at computer mediated communication: Power and the gender divide. In: Z. Birchmeier, B. Dietz-Uhler, G. Stasser (eds.). *Strategic uses of social technology: An interactive perspective of social psychology*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014, pp. 16—39.
50. Suler J. The online disinhibition effect. *Cyberpsychology and Behaviour*, 2004. Vol. 7, pp. 321—326.
51. Tateo L. Représentations sociales et nouvelles technologies. In: G. Lo Monaco, S. Delouvé, P. Rateau (eds.). *Les représentations sociales. Théories, méthodes et applications*. Louvain-la-Neuve: De Boeck Supérieur, 2016, pp. 399—408.
52. Udris R. Psychological and social factors as predictors of online and offline deviant behavior among Japanese adolescents. *Deviant Behavior*, 2017. Vol. 38, pp. 792—809 DOI:10.1080/01639625.2016.1197689
53. Wu S., Lin T.-G., Shih J.F. Examining the antecedents of online disinhibition. *Information Technology and People*, 2017. Vol. 30, pp. 189—209. DOI:10.1108/ITP-07-2015-0167.
54. Young K.S. Internet addiction: the emergence of a new clinical disorder. *CyberPsychology and Behavior*, 1998. Vol. 1, pp. 237—44. DOI:10.1089/cpb.1998.1.237

Информация об авторах

Бовина Инна Борисовна, доктор психологических наук, профессор кафедры клинической и судебной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Дворянчиков Николай Викторович, кандидат психологических наук, декан факультета юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Information about the authors

Inna B. Bovina, PhD in Psychology, Research Director, Associate Professor, Department of Clinical and Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Nikolay V. Dvoryanchikov, PhD in Psychology, Dean of the Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Получена 10.05.2020

Received 10.05.2020

Принята в печать 20.06.2020

Accepted 20.06.2020